

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТРАДИЦИОННОЙ ДУХОВНОСТИ

Review of the moral and religions peculiarities of the traditional spirituality and its unique characteristics. Exploration of their role in the consolidation of the belarussian society.

Современное белорусское общество нуждается в консолидации, которая во многом может быть обеспечена с помощью мировоззренческих идеалов традиционной духовности. Многомерное историческое наследие отечественной культуры хранит уникальный опыт бесконфликтного взаимодействия различных норм и ценностей, принимаемых всеми слоями населения. Освоение этой самобытности открывает новые возможности духовно-нравственного развития страны в контексте восточно-славянской и мировой интеграции.

Традиционная духовность белорусов включает в себя моральные, религиозные, эстетические, научные, философские взгляды и обычаи, преемственно связывающие поколения. Особенно «вездесущая» моральная духовность, возможная в религиозной и внерелигиозной формах, определяет характер культурного наследования, является критерием отбора жизнеспособных ориентиров.

Интегративность отечественной духовности выражается в ее поликонфессиональности. В Беларуси законодательно признаны традиционными христианские (православие, католичество латинского и униатского обрядов, лютеранство) и нехристианские (иудаизм и ислам) конфессии. Они юридически равноправны, но духовно неравнозначны. Отмечены исконная идентичность и определяющая роль православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа. Другие вероисповедания имеют этноконфессиональный характер.

Религиозная мораль в ее православной репрезентации является культурогенным феноменом и семантическим регулятивом культурной и философской традиции восточных славян. Обеспечивает духовно-нравственную релевантность, консолидацию и преемственность различных эталонов интегративного опыта в отечественной истории и современности. Опосредование православной морали в процессах идентичности выполняют канонически-неканонические и восточно-западные архетипы, а также многоплановая толерантность, вариативность которой периодически вызывает

кризис мировоззренческого самоопределения и актуализирует нравственные идеалы традиционной духовности. Вобравшие в себя религиозные и светские, автохтонные и рецептивные интенции, эти идеалы показывают возможности обратного влияния на подлинно глобальный мир диалога и согласия.

Традиционная духовность отмечена *содержательной интегративностью* архетипов духовного опыта, *функциональной интегративностью* культурной динамики, *рефлексивной интегративностью* осмысления человеческого бытия.

Содержательные планы могут быть рассмотрены сквозь призму культурного опыта, который показывает взаимодополнительность типов духовности. Многоплановый опыт народа организуется и закрепляется с помощью нравственных ценностей (светских и/или религиозных), а затем передается традицией как механизмом связи образцов мироуяснения.

Основными репрезентациями традиционной духовности являются православная и гуманистическая нравственность, объединенные социальными делами благотворительности, милосердия, просвещения, миротворчества. Много общего обнаруживается и в аксиологической природе «двух моралей». Однако весьма непохожи гуманистическая самодостаточность и православная идея неустранимого несовершенства человека, нуждающегося как в духовной благопристойности, так и в ограничениях деструктивной активности.

Функциональная интегративность зависит от процессов идентичности и архетипов духовного опыта. Православное самоопределение означало факт преемства веры по греко-византийскому типу ортодоксии, в котором сфокусированы как восточные, так и западные культурные образцы. Инвариантный *византизм* отечественной духовности воплотился также в болгаро-византийском, «кирилло-мефодиевском деле» по переводу Библии на славянский язык и созданию письменности. Трудно переоценить и значение афоно-византийского влияния на отечественную культуру, запечатленного в опыте русского исихазма.

Сочетание канонических и неканонических ценностей в православии выражается в диапазоне от славянской ортодоксии до оязыченного христианства. Архетипичная *толерантность* предопределяет и серию конверсий белорусского вероисповедания: польско-католическую, римско-католическую, греко-католическую (униатскую), немецко-протестантскую (лютеранство); а также идеологическую вплоть до атеизма.

В плане *этнической идентичности* важно отметить генетическое *евразийство* и национальное самоопределение в рамках русской, белорусской, украинской идей. К примеру, белорусская идея содержит «мы-пачуццё» и ценности восточнославянского братства, патриотическую привязанность к «тутэйшаму» месту и любовь к природе. Носит фольклорный и полилингвистичный характер. *Ментальная идентичность* традиционной духовности выражает себя в широком спектре: от языческой толерантности и «всемирной отзывчивости» до ригоризма идеалов.

Восточнославянская духовность формировалась как интегративная в киевском периоде своего генезиса и московском периоде конституирования. Первоначально доминировала неканоническая автохтонная духовность, что в особенности репрезентировано творчеством Я. Мудрого, Илариона Киевского, И. Грешного, В. Мономаха, К. Смолятича, К. Туровского.

Московский период развития традиционной духовности содержит историю славяно-русского и западнорусского самоопределения. Так, русское православие приобрело свое мессианское выражение в богословских спорах XVI и XVII вв. В результате утвердился нравственный авторитет духовной власти в сильном государстве. Символами монашеского благочестия стали жизни и учения С. Радонежского, А. Троицкого, В. Патрикеева, М. Грека. В особенности Н. Сорский и И. Волоцкий, Филофей и Зосима, митрополит Макарий прославились развитием теории мирового, соразмерного византийскому восточно-западному генотипу, значения Руси.

Однако апогей интегративности традиционной духовности наблюдается в *западнорусской истории* и современности. В конце XIV в. православие на белорусских землях лишилось поддержки верхов, поскольку католицизм стал государственной религией Великого Княжества Литовского. Вскоре возникла западнорусская церковь в недолгом согласии с обретшей независимость от

Византии московской митрополией. Далее последовало подчинение православных Беларуси униатскому митрополиту и польскому королю. В середине XVI в. данная экспансия была остановлена протестантскими и русскими еретическими движениями, деятельностью братств. Княжество Литовское превратилось в одно из самых веротерпимых государств Европы: все христианские конфессии были уравнены в правах.

До Брестской унии конца XVI в. преимущественно развивалось святоотеческое наследие в творчестве А. Курбского, А. Троицкого, православных училищ и братств. Это значит исповедовались моральные идеалы патриотизма, справедливости, служения, нестяжательства, долготерпения, сострадания.

После унии обозначился мистико-аскетический канон духовности в рассуждениях И. Вишенского. Неканонические идеалы утвердились стараниями белорусских просветителей Ф. Скорины, С. Будного, П. Скарги, С. Полоцкого, П. Могилы. Возникли обновленные ценности гуманизма и свободомыслия, всегда спасавшие отечественную духовность от ортодоксального перегрева.

Уния разделила западнорусскую церковь на православную и униатскую. Законным было признано только греко-католическое вероисповедание. К концу XVIII в. казалось, что православие доживает свои последние дни. Спасением стало возвращение в лоно русской православной церкви, которая тоже обогатилась за счет европеизированных вероисповеданий Беларуси. Так формировалась традиция внутри- и межконфессиональной толерантности в нашей стране.

В целом духовно-нравственный опыт в культуре восточных славян отличается единством византизма с евразийством, а это значит, содержит заметные соборные начала, интровертные по сути и усвоенные с рецепцией восточного христианства, и вместе с тем экстравертные западные культурные интенции.

Осмысление нравственного опыта начинается в восточнославянской философии духовности со времен христианизации Руси и последовательно воплощается в литературной, мистической, просветительской, метафизической, символической, персоналистской, интуитивистской формах. Тысячелетняя история русской философии духовности закономерно привела к появлению на рубеже XIX – XX вв. неклассического философство-

вания. Открытия авторов метафизических и персоналистских учений о морали создали прецедент совмещения научного, философского, богословского дискурсов.

Рефлексивная интегративность духовности была развернута в программной метафизике всеединства В. С. Соловьева. Заданный им стандарт рассмотрения нравственных проблем как суммативных раскрылся в целом знании: теософии, теургии (творчестве), теократии (государстве и обществе). Тема смысложизненного поиска содержала вывод о триединой зависимости граней совершенного добра, веры и любви.

Е. Н. Трубецкой назвал «тоску по всеединству» выходом из круга бессмысленности жизни. С. Л. Франк учил об эмпирическом бытии, непосредственном самобытии и первореальности как ракурсах духовного трансцендирования. Л. П. Карсавин разработал теорию «симфонического» единства бытия. П. А. Флоренский настаивал на интуитивном характере всеединства, его восходящей и нисходящей благодати. С. Н. Булгаков представил универсалистское учение о «трагически серьезной» православной морали, не исключаяющей «душевного здоровья и равновесия». И. А. Ильин рассуждал об имманентной природе духовной очевидности и аксиомах религиозного опыта. Б. П. Вышеславцев соединил в «безрелигиозной этике» открытия психоанализа и христианства.

Н. А. Бердяев раскрыл в рамках экзистенциального персонализма три посясторонних этики (закона, искупления, творчества) с ее темами добра и зла и одну потустороннюю (эсхатологическую) этику с проблемами смысла жизни, смерти и посмертия. Л. И. Шестов исповедовал спасение «только верой». Н. О. Лосский выстроил «классическую этику нераздельного единства теории ценностей и бытия».

В целом рефлексивная интегративность традиционной духовности показала самореферентность знания, добываемого с помощью проективной методологии. Ее важнейшими установками стали потенцированное отрицание (объединяющее «и то, и другое» с «ни то, ни другое») и различные виды монодуализма. Логика непостижимого обнаружила законы не исключенного третьего, преодоления противоречия, первооснования, отрицания адекватности всех общих правил; отрицающе-утверждающие модусы учений о духовно-нравственном опыте. Этика раскрыла темы недизъюнктивности разума и веры, а именно единую установку человеческого духа, проявлениями которого выступают сверхразумное (вера) и разумное.

Есть основания предполагать, что в современном гуманитарном знании формируется *трансрациональная философия* духовности, которая учитывает вышепредставленный опыт и дополняет его новейшими специальными темами науки, философии, богословия, гуманистики и апологетики, сотериологии и этики.

Таким образом, интегративный потенциал традиционной духовности раскрывается в содержательном, функциональном и рефлексивном планах, опосредованных в процессе идентичности восточно-западными, каноническими и неканоническими архетипами; толерантностью духовного опыта. Взаимодополнительность религиозных и светских, рецептивных и автохтонных начал отечественной истории получает многомерное осмысление в философии. Культурогенная роль традиционной морали в становлении и развитии духовности имеет следствием прямое участие в идеологической консолидации белорусского общества и его благополучном будущем в контексте восточнославянской и мировой истории.